

Н.В. Козлова

ВЕНЦЕНОСНЫЕ ОСОБЫ В РОЛИ ДУШЕПРИКАЗЧИКОВ И ГАРАНТОВ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ ЗНАТИ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация В статье на примере духовных завещаний некоторых представителей петровской чиновной элиты рассмотрена существовавшая в их среде практика апелляции к монарху как к высшему арбитру при решении вопросов наследования родового и семейного имущества и как гаранту точного исполнения своей воли. Другим стимулом для обращений к венценосным особам было желание обеспечить своим сыновьям монаршее покровительство. Существование такой практики отражало признание верхами общества патримониальных черт власти российских монарх.
Ключевые слова: власть, общество, знать, петровское время, земельные владения, наследование имущества, душеприказчики, покровительство.

Summary On the example of the wills of some representatives of the Peter's official elite, the author considers the practice of addressing the monarch as the supreme arbiter in deciding the inheritance of ancestral and family property and as a guarantor of the exact execution of their will. Another incentive was the desire to provide their sons with royal protection. The existence of such a practice reflected the recognition of the patrimonial features of the power of the Russian monarchs by the upper classes of society of the imperial era.
Keywords: power, society, nobility, Peter's time, land holdings, property inheritance, executors, patronage.

В петровское время усилилась роль законодательных установлений в качестве инструмента воздействия государственной власти на все сферы жизни общества. Одной из наиболее значимых социальных областей являлись имущественные отношения, а важнейшим средством их регулирования выступал институт наследования. Для дворян основной ценностью была земельная недвижимость и «крещеная собственность», наличие которых

отражало их социальное положение и материальное состояние. Институт наследования являлся не только важнейшим средством регулирования имущественных отношений в рамках семьи и рода, но и через законодательные установления использовался государственной властью для развития социальных процессов в нужном для нее русле. Наиболее яркий тому пример — Указ о единонаследии 1714 г. Вводимое им ограничение прав дворян в наследовании недвижимости по замыслу законодателя должно было прекратить дробление земельных владений и стимулировать заинтересованность дворян, не наследовавших населенные земли, в государственной службе как основном источнике их существования.

В историографии институт наследования и имущественные отношения в семье долгое время изучались главным образом в юридически-правовом аспекте¹. Практика же реализации закрепленного в законодательных нормах XVIII в. порядка наследования движимого и недвижимого имущества среди различных социальных групп, преимущественно в купеческой среде, только начинает разрабатываться в историографии². В новейшей литературе семейные тактики наследования и брачных союзов, а также связанная с ними мобильность земельных владений применительно к некоторым знатым родам XVII в. стали предметом изучения О.Е. Кошелевой³.

¹ *Савельев А.* Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород, 1881; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 3-е изд. Киев; СПб., 1900; *Якушкин В.Н.* Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX вв. М., 1890. Вып. 1: XVIII в.; *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVII–XIX вв.). 2-е изд. СПб., 1909; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903; *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв.: Сборник статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского. М., 1975. С. 277–281; *Кирьянова Н.В.* К вопросу о дворянском землевладении в законодательстве XVIII века // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1983. № 1. С. 57–69; *Цатурова М.К.* Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991; *Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М., 2005.

² *Козлова Н.В.* Из истории семейно-имущественных отношений в среде привилегированного купечества в начале XVIII века // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV–XVIII веков. История, историография, источники и методы исторического исследования: Материалы научной конференции, Тверь, 18–21 февраля 1999 г. Тверь, 1999. С. 56–63; *Козлова Н.В.* Семейно-имущественные отношения в среде московского купечества XVIII века (к постановке проблемы) // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Доклады Второй научной конференции (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 148–159; *Козлова Н.В.* Имущественное право и положение женщины в купеческой семье Москвы XVIII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время XI–XVIII вв. Проблемы культуры и культурного наследия: Доклады Третьей научной конференции (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 259–275.

³ *Кошелева О.Е.* Родственные связи в высших кругах знати XVII столетия и землевладение // Cahiers du Monde russe. 2016. Vol. 57. № 2/3. P. 545–570.

До указа 1714 г. наследственное право учитывало происхождение оставшегося после смерти владельца имущества. Так, указ 1684 г. «по примеру купленных вотчин» ввел различия между тяглыми и купленными дворами. Если из тяглых дворов бездетные вдовы наследовали четвертую часть, то купленные дворы полностью доставались вдовам умершего владельца⁴. Указ о единонаследии, не делая различий между источниками обретения недвижимости (земельных владений, дворов, лавок, промысловых и промышленных заведений), закрепил принцип ее неделимости, став причиной многочисленных судебных разбирательств между членами семьи и родственниками из-за наследуемого имущества. Ситуация усугублялась, когда в тексте духовного завещания одна из спорящих сторон находила положения, противоречащие законодательным нормам. В таком случае одни в доказательство своих прав апеллировали к закону, другие — к воле завещателя. Да и законодательные нормы были не безупречны, нередко допускали возможность разного толкования и не могли предусмотреть многообразие жизненных ситуаций и коллизий. На практике при решении спорных дел судебные структуры апеллировали не только к нормам указа 1714 г., но и к «новоуказным статьям» и Соборному уложению 1649 г. Согласно именному указу Петра I от 16 апреля 1714 г., в случае возникновения спорных дел, их следовало решать по Уложению⁵.

Дворяне не были пассивными, когда ущемлялись их интересы, особенно в той сфере, которая составляла основу их благополучия⁶. Обращение к семейно-правовым документам позволяет выявить те средства и ухищрения, к которым прибегали землевладельцы⁷, чтобы, не нарушая явно, все же обойти нормы, установленные законом⁸. Так, запрет на включение в состав приданого недвижимого имущества, направленный на предотвращение дробления земельной собственности дворян, преодолевался передачей части

⁴ ПСЗ–I. Т. 2. № 1081.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 691. Л. 19.

⁶ О скрытном сопротивлении дворян Указу о единонаследии 1714 г. см.: *Lee A. Farrow. Peter the Great's Law of Single Inheritance: State Imperatives and Noble Resistance // Russian Review. Vol. 55. № 3 (Jul., 1996). P. 430–447.*

⁷ Факты прямого нарушения наследственных норм Указа о единонаследии в купеческой среде не известны. Купцы и до выхода указа о единонаследии в основной своей массе предпочитали не дробить недвижимое имущество, заключающееся в промысловых и промышленных заведениях. Поэтому указ 1714 г. не вызвал недовольства среди купцов. В записках, предложениях и доношениях, с которыми обращались купцы в различные государственные учреждения (например, в Комиссию о коммерции) в период действия принципа неделимости недвижимого имущества, вопрос об отмене этого положения ни разу не поднимался.

⁸ В общем плане о применении дворянами разных способов обхода запрета на раздел недвижимых имений говорится и в указе 17 марта 1731 г., отменившем принцип неделимости вотчин (ПСЗ–I. Т. 8. № 5717).

недвижимости незамужним дочерям и сестрам «в поминование души». Причем регистрация духовных завещаний, содержащих подобные распоряжения, не вызвала никаких возражений со стороны соответствующих структур. Другая практика, уже в обход норм законодательства (п. 12 Указа о единонаследии), состояла в фиктивной продаже части полученного наследства своему брату или другому родственнику⁹.

Представители знати, порой, действовали иначе. Они напрямую апеллировали к монарху как к высшему арбитру при решении внутрисемейных проблем: вопросов наследования, обеспечения будущности детей, ссор и разногласий между супругами. Рассмотрение примеров подобных обращений к монарху, адресуемых в духовных завещаниях знати, высвечивает отдельные нюансы в характере отношений социальной и политической элиты общества и венценосных особ.

Боярин князь Б. И. Прозоровский в отсутствии прямых наследников в своем завещании, написанном во время «болезни тяжкие... на смертной постеле» 19 марта 1718 г., передал в полное распоряжение царицы Екатерины Алексеевны все свое движимое и недвижимое имущество. Вручая свою «любезную супругу» княгиню Ирину «под покров ее величества», князь просил «всемилостивейшую государыню царицу» не оставить ее своей заботой, передать деньги, вырученные от продажи части деревень, «для поминования души» родственникам и молил, «дабы грешная... душа [его] незабвенна была в поминовании по обычаю христианскому»¹⁰.

В условиях действия Указа о единонаследии, дополненного указом 1716 г., при бездетном браке муж своим завещанием мог выделять жене только четвертую часть всего своего имущества, а остальное имение вправе был передать ближайшему наследнику из своей фамилии¹¹. Род князей Прозоровских был весьма разветвленным, и не было опасности пресечения их фамилии за отсутствием сыновей у кого-то из ее представителей. У трех из четырех двоюродных братьев князя Бориса Ивановича, Андрея, Никиты и Владимира (сыновей князя Петра Семеновича Меньшого) были наследники по мужской линии¹². С учетом данного обстоятельства родная племянни-

⁹ Многочисленные примеры различных манипуляций дворян с наследственной недвижимостью в обход Указа о единонаследии привел В.П. Киселев (*Киселев В.П.* Взаимоотношения власти и общества в свете эволюции института наследования в первой половине XVIII века. Дипломная работа, защищенная на кафедре отечественной истории до XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Студента V курса д/о. Научный руководитель д.и.н., профессор Н.В. Козлова. М., 2009 (*рукопись*). С. 36–54).

¹⁰ РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 7. Л. 320–320 об.

¹¹ ПСЗ–I. Т. 5. № 2789, п. IX; № 3013.

¹² Родословная князей Прозоровских // *Прозоровский А.А.* Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского, 1756–1776. М., 2004. С. 690–702.

ца завещателя, дочь его старшего брата князя Петра Ивановича Прозоровского, княгиня Анастасия Петровна Голицына не могла быть его законной наследницей, как об этом, порой, упоминается в литературе. Указ о единонаследии предусматривал такую возможность, но только как крайний случай при отсутствии лиц мужского пола «для возобновления фамилии» и с непременным условием обретения мужем наследницы и его потомства новой фамилии (п. 7). Очевидно, что ситуация с наследством князя Б.И. Прозоровского под такой случай не подходила. К тому же Анастасия Петровна как раз в это время сильно скомпрометировала себя причастностью к делу царевича Алексея и подверглась опале¹³.

Ровно через месяц после смерти Б.И. Прозоровского¹⁴ Петр I собственноручно наложил на духовное завещание князя краткую резолюцию: «Учинить по сему завещанию», и, уточняя свою волю, сделал пояснение: «А понеже по смерти жены ево просил, дабы мы употребили в волю свою и поминали душу ево и ее, того для в том случае определяем оныя деревни в гошпиталь»¹⁵. Строго говоря, покойный в завещании обращался не к Петру I, а к царице Екатерине Алексеевне, вверяя «в волю ея величества, моей всемилостивейшей государыне» свою жену и все имение. Царица в такой интерпретации становилась не простой душеприказчицей, выполнявшей волю завещателя, а государыней, диктующей свою волю. Однако в итоге, как и следовало, не царица, а Петр I выразил «волю свою», указав после смерти жены князя Прозоровского и ради поминовения их душ, принадлежавшие им деревни употребить на содержание раненых. Примечательна высказанная царем мотивация его решения: «ибо сия добродетель по святому писму и натуре выше всех». Она соответствовала понятию «добротоу чина милостыни»,

¹³ Княгиня А.П. Голицына входила в состав ближайшего окружения Петра I и царицы Екатерины Алексеевны, участвовала во всех забавах царя, в том числе и в деятельности «всепянейшего собора» в качестве «княгини-игуменьи». Накануне дня подписания Б.И. Прозоровским своего завещания княгиня была признана виновной по делу царевича Алексея, и 28 марта 1718 г. публично бита батогами. Ко двору ее возвратили в 1722 г., а в 1724 г., в связи с коронацией Екатерины Алексеевны, она первой получила титул статс-дамы (См.: Русский биографический словарь. В 25 т. / Изд. под наблюдением А. А. Половцова. М., 1896–1918. Т. 7. С. 208).

¹⁴ Князь Борис Иванович Прозоровский скончался 6 апреля 1718 г.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 7. Л. 320 об. См. также: *Воскресенский Н.А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017. С. 353; Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметы, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский. Т. 2: Акты об общественных классах; Т. 3: Акты о промышленности и торговле / Отв. ред. Е.В. Анисимов; предисл. и подгот. текста Д.О. Серов; археограф. предисл. А.А. Богданов. М., 2020. № 15; *Intinera petri: Биохроника Петра Великого день за днем.* 06.05.1718, вт. П. в СПб. (URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/228259731> (дата обращения – 15.01.2021)).

активно в это время внедряемого в общественное сознание с помощью многочисленных указов о запрете ручной милостыни, отныне определяемой как «неправой» и «суетной»¹⁶.

Через три дня, 9 мая, повеление Петра I уже в виде указа было объявлено кабинет-секретарем А. Макаровым, о чем на последней странице текста завещания князя Прозоровского секретарем Сената сделана соответствующая запись¹⁷. Здесь же, в Книге записей именных указов Петра I, содержится текст «письма», в котором Петр I дает конкретные указания относительно наследства князя Б.И. Прозоровского¹⁸. Сославшись на просьбу князя «призреть оставшую по нем ево супругу княгиню Ирину» и не забыть его душу «поминовением по обычаю христианскому», а также подчеркнув, что все свое имение князь распорядился по кончине жены отдать «в волю нашу» и «в нашу диспозицию», царь пишет: «И хотя его царское величество указал учинить по тому ево завещанию, и о том изволил на том ево завещательном письме собственною своею подписать рукою, однако ж мы из недвижимого ево имения по тому ево завещанию себе ничего не требуем, но заблагодарсудили всем ево, князь Борисовом, недвижимым имением владеть жене ево по ее смерти». Такое распоряжение соответствовало норме Указа о единонаследии 1714 г., но противоречило указу 1716 г. о четвертой доле наследства бездетной вдовы. На это, видимо, и рассчитывал князь Прозоровский, взывая в завещании к царской воле, а не к силе закона. По смерти же княгини Ирины, согласно воле государя, следовало все «недвижимое имение отдать на поминовение души ево в Троицкой Александров монастырь¹⁹, в шпиталь». В этом распоряжении в соответствии с ранее вынесенной резолюцией соединялся благочестивый долг с гражданской пользой. Далее следовали конкретные указания, касающиеся просьбы княгини Ирины о выделении из деревень мужа 40 дворов и употреблении денег от их продажи на поминовение души князя. Деньги «по настоящей цене», что за дворы «посторонние купцы давать будут», было решено выдать княгине из того монастыря, но сами дворы оставить вместе с прочим

¹⁶ Указы 1718 и последующих годов под угрозой штрафа (от 5 до 10 руб.) запрещали подавать милостыню и повелевали задерживать бродячих нищих. Отныне законным проявлением нищелюбия могла быть передача денег в богадельни, госпитали и другие подобные заведения. В Духовном регламенте 1721 г. со ссылкой на священные тексты и благоразумие православного люда подробно излагалась суть «добротоу чина милостыни». Подробнее см.: *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010. С. 38–41.

¹⁷ «Сей великого государя указ объявил кабинет-секретарь Алексей Макаров мая 9 д. 1718. Записать в книгу».

¹⁸ РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 7. Л. 321–322.

¹⁹ Видимо, речь идет об Успенском монастыре в Александровской слободе и его Троицком соборе, построенном еще в XVI в.

недвижимым именем. Эта записка заканчивается заверением, что «для вящей силы и свидетельства впредь сие наше письмо мы нашею печатью утвердить повелели. В Санкт Питербурху маяя дня 1718 году».

Письмо не имеет точной даты, подписи и печати; отсутствует и помета об их наличии на подлинном тексте. Это обстоятельство, а также стилистически чуждая отсылка к резолюции царя на завещании Прозоровского позволяют думать, что перед нами до конца не выправленный секретарем черновой вариант «письма» Петра I, которое он так и не подписал. К тому же в полном объеме и именно в таком виде эти распоряжения реализованы не были. Княгиня И.М. Прозоровская умерла 10 января 1719 г., т. е. через семь месяцев после начертания Петром I резолюции на завещании ее мужа. В течение этого срока она продолжала владеть всем его имением, но не могла свободно им распоряжаться. После ее кончины Петр I указом в Военную коллегия от 11 июля 1719 г. передал русскую и можайскую вотчины Прозоровского в Санкт-Петербургский госпиталь²⁰. Другие земли в Можайском уезде в 1723 г. стали вотчиной Екатерины I, а позднее оказались во владении разных лиц²¹. В итоге венценосные особы в соответствии с желанием князя Б.И. Прозоровского распорядились его наследством по своей воле.

Ирина Михайловна Прозоровская, урожденная Римская-Корсакова, за три дня до кончины, находясь в «тяжкие болезни», также написала завещание²². В нем она, обращаясь по примеру покойного мужа к царице Екатерине Алексеевне, просила ее быть своей душеприказчицей, распорядиться о поминании ее души «по обычаю христианскому» и быть гарантом исполнения имущественных определений. Они касались как родственников покойного мужа (его братьев, сестер и двоюродных племянников), так и своего племянника Якова Васильева сына Корсакова, передаваемого под «материнскую милость» государыне царице. Ему оставлялось собственное приданое княгини, недвижимость («вотчин четвертой жеребей»), полученная ею после первого мужа стольника и полковника И.К. Нечаева, а также

²⁰ В ходе Северной войны вопрос об организации стационарных военных госпиталей стоял очень остро. В 1707 г. в Москве возник первый в России постоянный госпиталь. Как выяснено в новейших исследованиях, к 1710 г. в Санкт-Петербурге уже действовали военные госпитали для армии и флота, а в 1715 г. указом Петра I было принято решение о создании на Выборгской стороне единого комплекса Генеральных госпиталей. Правда, по разным причинам его строительство затянулось, и к концу второго десятилетия XVIII в. вопрос о военных госпиталях и подготовки медицинских кадров оставался исключительно актуальным (См.: Милашева Н.В., Самойлов В.О. Первые военные госпитали Санкт-Петербурга // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2020. № 3(71). С. 258–266).

²¹ URL: [http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/Поречье_\(Можайский_район\)](http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/Поречье_(Можайский_район)).

²² Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015. № 165. С. 246–248.

загородный двор в Петербурге и московский двор на Пречистенке, перешедший по просроченной закладной Андрея Городецкого к покойному мужу завещательницы. За другой «двор на Знаменке», также заложенный покойному князю А.Ф. Тверитоновым, племяннику по закладной полагалось взыскать выданные под залог дома 1 тыс. руб.

В завещании не упомянуты доли наследства, которые после смерти второго мужа князя Луки Федоровича Долгорукова (умер в 1710 г.) и третьего мужа князя Прозоровского должна была получить Ирина Михайловна. Их, видимо, она имеет в виду под определением «протчее оставшее все движимое, так и недвижимое» имение. Его употребление она оставляет на «высокомудрое разсуждение» царицы. Родственники князя Б.И. Прозоровского, его родной брат Петр Иванович, двоюродный брат Андрей Петрович и сестра боярыня Марфа Ивановна Салтыкова, согласно завещанию, получали по 2 тыс. руб.; сестра инокиня княжна Александра — 1 тыс. руб.; сыновья двоюродного брата Никиты Петровича князья Александр, Владимир и Петр, помимо денежной дачи в 2 тыс. руб. каждому, награждались двором в Санкт-Петербурге. Еще один двор, московский, с каменными палатами, где жила сама завещательница, княгиня Прозоровская распорядилась продать за 2 тыс. руб. родственникам умершего мужа, а деньги употребить на выкуп пленных. То, что двор следовало продать родственникам князя Прозоровского, указывает на его принадлежность покойному, и, вероятнее всего, после смерти Ирины Михайловны двор подлежал возвращению в княжеский род. Согласно Переписи московских дворов 1716 г., князю Б.И. Прозоровскому принадлежали два двора в приходе церкви Сошествия Святого Духа у Пречистенских ворот. Об одном из них, скорее всего, и идет речь в завещании вдовы князя Прозоровского. Старший брат покойного князь Петр Иванович в соседнем приходе церкви Успения Богородицы, что в Остожье, владел загородным двором²³.

Обращение к царице имело важный смысл для обеспечения воли завещательницы в полном объеме, особенно в части имущественных интересов племянника, которые влиятельный и многочисленный род князей Прозоровских мог оспорить. На эту мысль наводят и заключительные строки духовной с мольбой к государыне царице и великой княгине Екатерине Алексеевне принять племянника «в свою материнскую милость» и показать ему «всякое милосердие». Такая просьба была не лишней, принимая во внимание отсутствие прямых наследников. Особенно сомнительными в правовом

²³ Перепись московских дворов 1716 г. // Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С. 39, 41, 42.

отношении были распоряжения княгини относительно Санкт-Петербургского и московских дворов. Они переходили к трем разным наследникам: родственникам князя Б.И. Прозоровского и отдельно двоюродным племянникам, а также к племяннику завещательницы Якову Васильеву сыну Корсакову.

Княгиня Прозоровская опасалась не случайно. Реализация ее распоряжений относительно наследства Я.В. Корсакова встретила трудности, которые его мать, вдова стольника Василия Михайлова сына Римского-Корсакова²⁴ Евфимия Федоровна, пыталась решить в Санкт-Петербурге при поддержке государыни Екатерины Алексеевны. Как следует из синодальных документов²⁵, для этого в феврале 1719 г., т. е. через месяц после кончины княгини Ирины Михайловны, собираясь в северную столицу, она привезла в дом к священнику московской церкви Воскресения Христова за Пречистенскими воротами Дмитрию Христофорову, бывшему ее духовным отцом, четыре сундука с серебряною посудой «на соблюдение». Евдокия Федоровна жила в доме у своей золовки Прасковьи Михайловны (сестры В.М. Римского-Корсакова и княгини И.М. Прозоровской), которая была в это время больна и не могла присмотреть за имуществом. Запертые и запечатанные печатью Евфимии сундуки были поставлены в церковь, а в мае того же года, т. е. почти через три месяца, Прасковья Михайловна, оправившись от болезни, как и было заранее оговорено, сама приехала к священнику и взяла от него все имущество «в совершенной сохранности». Когда в 1720 г. Евфимии Федоровне вновь понадобилось ехать в Санкт-Петербург, она также оставила сундуки с имуществом, а также баул с 3 тыс. руб. под присмотром Прасковьи Михайловны «в доме Городецкого», где она в это время жила. Это был тот самый двор на Пречистенке, что княгиня Прозоровская завещала своему (и своей сестры Прасковьи Михайловны) племяннику Я.В. Корсакову.

Далее события развивались по криминальному сюжету. Его подробности излагаются в челобитной Корсаковой, поданной в Канцелярию ведомства лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Г.А. Урусова. В мае

²⁴ В.М. Римский-Корсаков, стольник царицы Прасковьи Федоровны, родился около 1650 г., умер не позднее 1718 г., так как известны две крепостные записи сговорных его вдовы Афимьи (Евфимии) Федоровны 1718 и 1723 гг. на дочерей Авдотью и Анну, в которых А.Ф. Римская-Корсакова упомянута как вдова (См.: *Вершинин А.А.* Материалы к составлению родословной росписи дворян Римских-Корсаковых // *Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в.* Проект Германского исторического института в Москве (URL: <http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php> (дата обращения – 15.01.2021)).

²⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (далее – ОДИДС). СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. Стб. 225–228.

того же года в отсутствие Евфимии Федоровны в дом Городецкого приехал некий Иван Грузинец, не объявляя никакого указа, «сослал» Прасковью Михайловну Римскую-Корсакову со двора и, сорвав печати и сбив замки, «выбрал» из сундуков пожитки и их роспись, а из баула деньги. Однако, судя по названию дела, присланного для расследования по указу царицы Екатерины Алексеевны в июле 1721 г. из Петербурга к московскому вице-губернатору И.Л. Воейкову²⁶, именно вдова Евфимия Федоровна и ее золовка Прасковья Михайловна Римские-Корсаковы обвинялись в вывозе из дома супругов князей Прозоровских их пожитков. Такое развитие событий свидетельствует о том, что наследственные права племянника княгини И.М. Прозоровской были оспорены как в отношении движимого, так и недвижимого имущества, принадлежавшего не лично княгине, а ее почившему супругу. Нам не известны все обстоятельства и результаты расследования этого дела. Но очевидно, что отдельные пункты духовной княгини Ирины Михайловны не соответствовали духу завещания ее супруга и входили в противоречие с наследственными интересами рода Прозоровских, а потому вызвали их протестные действия.

Помимо монарха и его венценосной супруги, в качестве душеприказчика и высокого покровителя интересам завещателя мог быть и иной представитель царствующего дома Романовых. Так, князь Иван Михайлович Мещерский в своем завещании, составленном 7 января 1718 г., определил своей душеприказчицей царевну Марью Алексеевну, родную сестру царевны Софьи и единокровную сестру Петра I. Ей он не только поручал «строить и поминать душу свою», но и передавал вотчины, полученные его отцом стольником князем Михаилом Васильевичем Мещерским, со всеми «угоды, и со крестьяны, и з деловыми людьми». Напрямую обращаясь к «великой государыне, благородной царевне и великой княжне Марии Алексеевне», князь просил ее продать родовую вотчину в Московском уезде «сельцо Настасьино да село Большое Покровское», а вырученные деньги раздать на поминование по душе его и родителей, выделив некоторую часть бабке завещателя княгине Евдокии Васильевне Мещерской. Прежде забота о княгине была возложена на ее внука И.М. Мещерского, когда тот наследовал вотчины своего отца, сына княгини, князя М.В. Мещерского («ему, князь Ивану, за те было вотчины поить и кормить»). Теперь же, передавая вотчины царевне, завещатель оставлял на ее попечение и княгиню Евдокию Васильевну. Забота царевны-душеприказчицы должна была оградить родовые

²⁶ Иван Лукич Воейков в то время был также вице-президентом московского надворного суда.

вотчины от покушений как со стороны родственников отца (Мещерских), так и матери (Языковых). Их в своем завещании князь Иван предостерегает особо: «А родственником ево Мещерским и роду Языкова ни до чего дела нет и не вступатца»²⁷. Защищенные покровительством царевны вотчины предназначались на поминальные службы по душе князя и его родителей. Забота о поминовении усопших, как и в прошлые столетия, оставалась важнейшей семейной ценностью и первейшим долгом.

Известно, что вотчина досталась отцу завещателя Михаилу Васильевичу Мещерскому в 1693 г. Вскоре новый хозяин отдал небольшой участок земли в десять десятин священнику и причетникам Покровской церкви. В переписных книгах 1704 г. сохранилась запись о том, что представляла собой тогда эта вотчина: «За князем Михаилом Васильевым сыном Мещерским село Покровское, Настасьино тож, а в селе церковь Покрова Пресвятой Богородицы, да в приделе Николая Чудотворца, у церкви во дворе поп Иван Степанов, во дворе дьячок Осип Яковлев; да в селе двор вотчинников с дворовыми деловыми людьми и крестьян 18 дворов».

Выбор царевны Марии в качестве высокой покровительницы родовым интересам Мещерских оказался неудачным, поскольку уже в июне 1718 г. она была арестована по делу царевича Алексея и отправлена в Шлиссельбургскую крепость, где и находилась до 13 мая 1721 г., а затем содержалась под домашним арестом в Санкт-Петербурге. В итоге вотчина продана не была и оставалась за Евдокией Васильевной Мещерской и ее дочерью Марьей Васильевной Головиной. В 1719 г. ее владельцем стал крупный петровский дипломат и государственный деятель, руководитель недавно созданной Тайной канцелярии П.А. Толстой, принимавший деятельное участие в следствии и в суде над царевичем Алексеем²⁸.

Обращение в завещании к монарху с просьбой быть душеприказчиком для точного исполнения своей воли, хотя и редко, но все же встречалось и в наследственной практике высших кругов знати XVII в. И тогда побудительным мотивом становилось стремление решить вопросы наследования в обход действующему законодательству и обычаю. Примером является хорошо известная по публикации А.П. Барсукова духовная боярина Федора Ивановича Шереметева, который, вопреки существующему порядку, закре-

²⁷ Дворяне Москвы... № 126. С. 209–210.

²⁸ В дальнейшем от Толстых вотчина перешла к супругам Д.А. и Д.И. Шепелёвым, при которых начал формироваться усадебный комплекс Валуево, позднее владельцем усадьбы стал граф А.И. Мусин-Пушкин. При нем на рубеже XVIII и XIX вв. в усадьбе был создан яркий ансамбль в стиле классицизма, отличающийся исключительной целостностью и гармоничностью (URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-220125.html> (дата обращения: 05.01.2021)).

пьял родовые вотчины за младшей дочерью, остававшейся его единственной наследницей, а через нее за четырьмя своими внуками, сыновьями князя Н.И. Одоевского. Этим самым он отстранял от наследства трех троюродных племянников, сыновей своего двоюродного брата Петра Никитича Шереметева, законно претендовавших в качестве представителей мужской линии на земли и крестьян рода Шереметевых. Чтобы осуществить задуманное, Федор Иванович в своей духовной, составленной в 1645 г., просил царя Михаила Федоровича, своего свойственника по жене, быть его душеприказчиком, передав ему в благодарность свою обширную волость в Юрьев-Повольском уезде с более 1 тыс. крестьянских дворов. Решив, несмотря на существующий запрет на земельные вклады в монастыри, передать на помин души одну из своих вотчин в Кирилло-Белозерский монастырь, он также нуждался в особой поддержке государя²⁹.

Федор Иванович умер в 1650 г., а потому реализация его распоряжений происходила уже в царствование Алексея Михайловича. Видимо, учитывая это обстоятельство, боярин Шереметев в 1649 г. дополнил ранее написанное завещание «изустной» памятью. Он также мог рассчитывать на поддержку своего зятя боярина Никиты Ивановича Одоевского, имевшего в этот период большое влияние в Думе и, конечно, заинтересованного в точном исполнении воли своего тестя. И хотя племянникам все же достались несколько сот дворов (в том числе и знаменитое в дальнейшем сельцо Кусково), но основные земельные и дворовые владения, как и хотел завещатель, перешли к дочери Евдокии и ее сыновьям, преимущественно младшему Якову³⁰.

Итак, князья Прозоровские и князь Мещерский, а еще ранее боярин Ф.И. Шереметев как представители высших кругов знати, обращаясь в своих завещаниях к высокому покровительству венценосных особ, искали у них защиты семейным или родовым наследственным интересам. Другим стимулом было желание иметь гарантию точного исполнения своей воли, в том числе и относительно распоряжений о поминении души, или когда эта воля не вполне соответствовала существующему порядку.

Иной расчет двигал виднейших представителей высшей бюрократии нового типа. Они уже как государственные мужи искали у монарха милосердного попечения и щедрот своим детям, братьям и племянникам. Такие

²⁹ Духовное завещание боярина Федора Ивановича Шереметева 1645 г. // *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1883. Т. 3. С. 495–510. На эти важные детали духовной Ф.И. Шереметева внимание автора статьи обратила О.Е. Кошелева, за что приношу ей благодарность.

³⁰ Подробнее см.: *Кошелева О.Е.* Родственные связи в высших кругах знати XVII столетия и землевладение // *Cahiers du Monde russe*. 2016. Vol. 57. № 2/3. P. 545–570.

обращения в духовных завещаниях к монархам также были не редкостью. Так, Кирилл Алексеевич Нарышкин, ближний кравчий, первый комендант Санкт-Петербурга (1710–1716 гг.) и московский губернатор (1716–1719 гг.), в своей духовной, написанной незадолго до смерти в 1723 г., после пространной ссылки на Святое Писание и воспоминания о временном житие и дне Страшного Суда просил «всеусердно его императорского величества всемилостивого нашего манарха и государя... оставшия по мне дети мои, дабы в его равно отеческих милосердых щедротах оставлены не были»³¹. Далее следовали указания душеприказчикам, духовному отцу, протопресвитеру Большого Успенского собора Федору Панкратьевичу и Александру Львовичу Нарышкину, сыну боярина Л.К. Нарышкина, двоюродному брату Петра I, относительно погребения и поминальных служб. Все свое недвижимое имение (вотчины и московские дворы) К.А. Нарышкин завещал старшему сыну Семену (Симеону), а движимое распределил между младшим сыном и четырьмя незамужними дочерьми (Авдотьей, Дарьей, Софьей, Натальей). Сыну Петру предназначалась серебряная посуда и деньги, что оставались после награждения дочерей. Денег, видимо, было немало, так как дочери получали очень крупную сумму в 20 тыс. руб. Петру же доставались и заемные деньги. Дочь Татьяна, выданная замуж за князя Михаила Михайловича (Меньшого) Голицына, из наследства исключалась как получившая приданое и деньги на покупку вотчины. Упомянутым в завещании сыновьям К.А. Нарышкина в то время было: Семену — 13 лет (1710–1775), Петру — 10 лет (1713–1770). Имущественные распоряжения Кирилла Алексеевича соответствовали действующим правовым нормам, и у него вряд ли были сомнения в точности их исполнения. Другое дело — перспективы служебной карьеры сыновей, еще не вступивших в службу и нуждавшихся в видах карьерного роста в сильном покровителе. Таковой был найден в лице душеприказчика А.Л. Нарышкина, назначенного также опекуном малолетних детей завещателя. Его как «милостивого» и «милосердного» своего государя К.А. Нарышкин просил: «Да милосердствует над оставшими детьми моими во всем призирает и попечение об них да имеет, и в чем принадлежит да просит об них его императорского величества милосердия (курсив мой. — Н.К.)».

Упование на будущие милости государя отражало изменение основ взаимоотношений дворянства, в том числе политической элиты с монархом. При отсутствии прямой связи между службой и земельными дачами и с учетом возможности получения новых земельных владений лишь в качестве пожалования государя немалое значение для статуса и благосостоя-

³¹ Дворяне Москвы... № 280. С. 339–340.

ния дворян начало играть и личное расположение монарха, близость к нему той или иной фигуры. Этот новый тип отношений и отразился в ряде духовных завещаний чиновной элиты в виде обращений к носителю верховной власти за покровительством и щедротами. Соответствовал он и патримониальному характеру власти российской монархии эпохи империи. В 1721 г. Сенат одновременно с титулами Императора Всероссийского и Великого вручил Петру I титул Отца Отечества. Это выражение в переводе с латинского *pater patriae* означало «духовный отец своей паствы» и подчеркивало роль Петра I как опекуна своих подданных. Как видно из рассмотренных духовных завещаний, верхи общества уже были готовы к восприятию и использованию подобных отношений с монархом.

Литература

- Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1883. Т. 3.
- Вершинин А.А.* Материалы к составлению родословной росписи дворян Римских-Корсаковых // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве (URL: <http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php>).
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 3-е изд. Киев; СПб. 1900.
- Воскресенский Н.А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017.
- Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени /* Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015.
- Законодательные акты Петра I.* Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский. Т. 2: Акты об общественных классах; Т. 3: Акты о промышленности и торговле / Отв. ред. Е.В. Анисимов; предисл. и подгот. текста Д.О. Серов; археограф. предисл. А.А. Богданов. М., 2020.
- Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв.: Сборник статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского. М., 1975. С. 272–292.
- Киприянова Н. В.* К вопросу о дворянском землевладении в законодательстве XVIII века // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1983. № 1. С. 57–69.
- Козлова Н.В.* Из истории семейно-имущественных отношений в среде привилегированного купечества в начале XVIII века // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV–XVIII веков. История, историография, источники и методы исторического исследования: Материалы научной конференции, Тверь, 18–21 февраля 1999 г. Тверь, 1999. С. 56–63.

- Козлова Н.В.* Имущественное право и положение женщины в купеческой семье Москвы XVIII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время XI–XVIII вв. Проблемы культуры и культурного наследия: Доклады Третьей научной конференции (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 259–275.
- Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010.
- Козлова Н.В.* Семейно-имущественные отношения в среде московского купечества XVIII века (к постановке проблемы) // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Доклады Второй научной конференции (Москва, 7–8 декабря 1999 г.) М., 2001. С. 148–159.
- Кошелева О.Е.* Родственные связи в высших кругах знати XVII столетия и землевладение // *Cahiers du Monde russe*. 2016. Vol. 57. № 2/3. P. 545–570.
- Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVII–XIX вв.). 2-е изд. СПб., 1909.
- Милашева Н.В., Самойлов В.О.* Первые военные госпитали Санкт-Петербурга // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2020. № 3(71). С. 258–266.
- Новицкая Т. Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М., 2005.
- Прозоровский А.А.* Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского, 1756–1776. М., 2004.
- Савельев А.* Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород, 1881.
- Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903.
- Цатурова М.К.* Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991.
- Якушкин В.Н.* Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX вв. М., 1890. Вып. 1: XVIII в.
- Intinera petri:* Биохроника Петра Великого день за днем. 06.05.1718, вт. П. в СПб (URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/228259731>).
- Lee A. Farrow.* Peter the Great's Law of Single Inheritance: State Imperatives and Noble Resistance // *Russian Review*. Vol. 55. №. 3 (Jul., 1996). P. 430–447.